

Дамы, облаченные в черное и чем-то похожие на ворон, ходили туда-сюда по комнате, прикладываясь к еде на своих малюсеньких тарелочках с такой же энергичностью, с какой они разглагольствовали о недавней кончине леди Вандерхолл, покоящейся теперь в обитом бархатом гробу, поставленном у дальней стены гостиной.

Помещение было полностью обтянуто черным сукном, скрывающим цветастые обои. Непроницаемая ткань покрывала и окна тоже, не давая дневному свету попадать внутрь помещения. На всех горизонтальных поверхностях стояли горящие свечи, из-за пляшущего пламени которых в этом полутемном помещении мелькали беспокойные тени. Завтра лишь близкие родственники и друзья будут сопровождать этот гроб в церковь на церемонию похорон, а пока что прийти и проститься с усопшей могли все желающие. Люди заходили и уходили, меняя при необходимости свечи. Помещение все время было освещено, и тело ни на минуту не оставалось в полном одиночестве.

— Так трагично, — сказала одна дама с похожим на клюв носом, слегка помахав своим бутербродом с ветчиной с таким категоричным видом, как будто именно она первой сделала подобное замечание по поводу этого печального события.

— Как, по-вашему, у ее дочерей останутся хоть какие-то воспоминания о ней? — спросила другая дама, окидывая взглядом комнату в поиске маленьких девочек.

— Сомневаюсь. Им ведь, насколько мне известно, лишь десять и восемь лет от роду. Они еще совсем малышки. Но это, конечно же, даже к лучшему.

Грасиэла, герцогиня Отенберри, допила остатки своего лимонада в надежде на то, что они изгонят кислый привкус у нее изо рта. Затем она посмотрела тоскливым взглядом в сторону двери, подумывая о том, что пора бы уже отсюда и уйти.

Это к лучшему, что они забудут свою мать? Тогда получится так, как будто ее никогда не было на свете, как будто она стала прахом, развеянным по ветру, и эти пустомели еще заявляют, что это будет к лучшему?! Она полагала, что они ошибаются. Что они абсолютно не правы.

Скончавшаяся недавно леди Вандерхолл была ее подругой. Подруг у Грасиэлы было очень мало, а потому она переживала эту утрату весьма болезненно.

Как только до нее донеслись слухи о неожиданной кончине Эванджелин в результате несчастного случая во время поездки верхом, Грасиэла отправилась из своего поместья — поместья Отенберри — в Лондон, чтобы почтить память умершей. При этом ей пришлось оставить в поместье свою дочь и падчерицу. Не было смысла тащить их в такую даль ради столь мрачного мероприятия, как похороны, тем более что с леди Вандерхолл они почти не были знакомы.

Как бы там ни было, ее дочь и падчерица остались в поместье. В это время года развлечений в Лондоне было очень и очень мало. Лепить в поместье снеговиков, съезжать на санках по склонам холмов и читать Байрона перед камином, прихлебывая какао, — такое времяпрепровождение было для ее девочек более привлекательным. По правде говоря, в данный момент оно казалось более привлекательным и для Грасиэлы. Находиться в этом доме становилось для нее попросту невыносимым. Она и так уже пришла в уныние из-за смерти подруги, а тут еще эти женщины, усугубляющие ее горе своими неуместными репликами.

Ей было почти невозможно находиться здесь, на этой церемонии прощания с бедняжкой Эванджелин. А ведь завтра, на похоронах, ей будет еще тяжелее...

— Скопище всякой швали.

Возле нее остановилась Мэри-Ребекка — пожалуй, единственная оставшаяся теперь у нее верная подруга.

Как и Грасиэла, леди Толбот была молодой вдовой, не пользующейся большим благоволением со стороны светского общества. Они здесь были чужачками с самого начала. Мэри-Ребекка была ирландкой, а Грасиэла приехала в Англию из Испании. Наверняка далеко не одна леди мысленно обвиняла их в том, что они «отняли» мужа у какой-нибудь более подходящей для него английской леди. Когда Грасиэла только приехала в Англию в возрасте каких-нибудь восемнадцати лет, она слышала, как люди тихонько шушукуются у нее за спиной, но и теперь, когда ей уже исполнилось тридцать пять, она по-прежнему слышала это шушуканье. В жизни всегда есть что-то такое, что никогда не меняется.

— О боже, они, как мне кажется, наслаждаются этим, — прошептала Мэри-Ребекка. — Несчастья других людей дают им возможность почувствовать себя лучше в их ничем не примечательной жизни.

Грасиэла покосилась на подругу и поднесла чашку к губам:

— Думаю, для сегодняшнего дня мы проявили по отношению к усопшей уже достаточно уважения.

— Совершенно верно. — Мэри-Ребекка кивнула в знак согласия и отвернулась. — Ну так что, уйдем отсюда?

Они направились к выходу из дома, провожаемые несколькими откровенно недоброжелательными взглядами.

— Наш дом сейчас в моем полном распоряжении, — сообщила Грасиэла, надевая перчатки в ожидании того, когда подадут ее карету и карету подруги. Выйдя на крыльцо, она стояла на ступенях и зябко куталась в свой плащ, отороченный горностаевым мехом. С сумрачного неба падали редкие снежинки. — Может, поедешь со мной и чем-нибудь подкрепишься? Мы вдвоем помянем Эванджелин, а затем ты можешь рассказать о том, как прошел твой недавний отдых с детьми. Мне хотелось бы об этом услышать.

— Дом в твоём полном распоряжении? Даже не верится! Когда я выезжала сегодня после полудня, мои мальчики дрались друг с другом деревянными мечами, а дочка устроила истерику из-за

того, что она не могла найти свою любимую китайскую шаль. — Мэри-Ребекка посмотрела вверх, на небо. — И виноватой в этом почему-то оказалась я.

Грасиэла хихикнула, прекрасно понимая, что такое частенько бывает в их жизни:

— Ну да, конечно.

— Так что я отнюдь не спешу возвращаться домой. Показывай, куда ехать, моя дорогая подружка.

Грасиэла, улыбаясь, позволила конюху помочь ей сесть в карету. Она, по правде говоря, и сама очень редко оказывалась дома в одиночестве. Ее дочь Клара и падчерица Энид всегда находились где-то рядом с ней. Впрочем, подобное положение вещей вполне устраивало Грасиэлу. Ей очень нравилось находиться в окружении своих родственников и друзей. Она с ужасом думала о том дне, когда ее дочь выйдет замуж и станет жить отдельно. Она, конечно же, хотела, чтобы Клара нашла свое счастье и вышла замуж за хорошего человека. Учитывая, что Кларе уже исполнилось четырнадцать лет, этот день наступит довольно скоро — как говорится, не успеешь и оглянуться.

Жизнь течет быстро. Грасиэла, казалось, всего лишь вчера бегала босиком по папиному винограднику, будучи обыкновенной девчонкой с растрепанными волосами, которая громко хихикала, играя в догонялки со своими родными и двоюродными сестрами и братьями. Теперь же она была почтенной герцогиней, матерью дочери-подростка.

Она боялась расставания не только с Кларой, ей не хотелось терять и Энид тоже, по которой она будет скучать. Правда, ее падчерица по всем принятым в обществе меркам уже была старой девой. Тем не менее Грасиэла полагала, что Энид когда-нибудь все-таки выйдет замуж. Она чувствовала, что у Энид есть настойчивое желание обзавестись своим собственным домом, мужем и детьми. Она замечала это желание в выражении глаз Энид, когда та узнавала, что другие девушки ее возраста выходят замуж и становятся матерями. Правда, падчерица Грасиэлы была упрямой и чрезмерно умной, с явной склонностью к тому, чтобы быть «синим чулком», и это отнюдь не было теми качествами, которые люди стремились найти в английской

невесте. Однако Грасиэла даже не сомневалась, что Энид в конце концов встретит джентльмена, которого эти ее качества вполне устроят.

И тогда она, Грасиэла, останется совсем одна. Будучи вдовой, она смирится со своим положением и будет наблюдать за сменой времен года в ожидании приезда к ней в гости кого-нибудь из родственников.

Приехав наконец-таки к своему городскому особняку, она сделала над собой усилие и отогнала унылые мысли, полагая, что они были вызваны общей мрачной атмосферой сегодняшнего дня. Без Клары и Энид дом показался ей очень тихим... и даже пустым, хотя в нем находилось два десятка слуг.

Грасиэла прошла вместе с Мэри-Ребеккой в гостиную. Там она сняла перчатки и, вызвав колокольчиком слугу, велела ему принести ее любимую мадеру — крепкое белое вино, изготовленное из винограда, собранного в тех землях, где когда-то находился виноградник ее отца. Именно когда-то, потому что теперь какой-то дальний родственник владел и этими землями, и титулом ее отца, однако всего лишь один глоток вина неизменно уносил Грасиэлу в дом ее детства, вызывая у нее связанные с ним приятные воспоминания.

Ко всему тому, что было в ее жизни до Отенберри. То есть до того, как ее жизнь стала... сплошным разочарованием.

Миссис Уэйкфилд, экономка, принесла графин вместе с пирожными и печеньем. Грасиэла и Мэри-Ребекка так много за один присест никогда не съели бы, но тем не менее они с жадностью набросились на еду.

— Благодарю вас, миссис Уэйкфилд. А то мне сегодня с утра как-то совсем не хотелось есть, — сказала Мэри-Ребекка, откусывая первый кусочек.

— Как ужасно то, что произошло с леди Вандерхолл!.. — вздохнула миссис Уэйкфилд. — Лично я никогда не стану ездить верхом на чем-либо четвероногом.

Мэри-Ребекка, пережевывая первый откусенный ею кусочек, восторженно заявила:

— Вы обязательно должны прислать рецепт этого лимонного печенья моей поварихе. Оно восхитительно!